

Чу Цзюань поднял глаза, вглядываясь в небо. Там, в пустоте, не было ничего, кроме парящих островов. Лишь небожители могли позволить себе здесь задержаться, а потому это место принадлежало Клану Птиц, где беспрестанно кружили в потоках ветра тысячи крылатых созданий. Услышав звук, он на мгновение замер, а затем обернулся.

— Что?

В тот момент, когда Хуан И увидел Чу Цзюаня, к горлу подступил ком. Жизнь небожителей бесконечно долга, и сотни лет уединения считаются обычным делом, но для Чу Цзюаня те триста лет стали гранью между жизнью и смертью.

Хуан И думал, что больше никогда в этой жизни его не увидит.

Он смотрел на него, сквозь сотни лет и тонкую маску, и его улыбка была почти неотличима от рыданий, однако он заставил себя произнести:

— Хотел посмотреть, к кому это твой Нэйцзюнь сбежал, бросив тебя?

Стоявший перед ним феникс всё ещё выглядел как в старые добрые времена: облаченный в алые одежды, дерзкий и свободный, истинный гордый сын Клана Фениксов, привыкший парить над четырьмя морями.

Чу Цзюань горько усмехнулся:

— Думаю, ты уже увидел.

Лишившись одного из первородных рогов дракона, он стал немногим лучше обычного смертного и больше не мог странствовать по морям, потому что разучился летать.

Глаза феникса мгновенно покраснели. Спустя мгновение он протянул руку, стараясь выглядеть небрежным:

— Тогда сей Владыка смилостивится и подвезет тебя.

Ничто в Девяти Небесах не могло сравниться по скорости с фениксом. Его яркие перья развевались на ветру, оставляя за собой след, а истинный облик был настолько прекрасен, что захватывало дух. И всё же Хуан И досадовал, что не привел свои перья в порядок перед выходом из дома.

Он подставил левое крыло под порывы ветра, а правым бережно прикрыл дракона, который больше не мог летать. Глаза огромного феникса защипало, в его крике слышалась скорбь, и все птицы в небесах вторили ему тихим плачем.

Долгое время Чу Цзюань чувствовал, как его гладят по спине — перо за пером.

Лишь спустя долгое время феникс хрипло спросил:

— Больше никогда не сможешь летать?

В этот раз Чу Цзюань промолчал, и лишь свирепый ветер, проносящийся мимо ушей, унес все невысказанные слова.

Приблизившись к границе защитного барьера, феникс принял человеческий облик и одним порывом ветра проскользнул внутрь. Белый Журавль, охранявший вход, в недоумении спросил Зеленого Быка:

— Ты что-нибудь видел?

— Где? У тебя что, глаза ослепли, старый Журавль? — проворчал Зеленый Бык, который презирал летающих, предпочитая твердую почву под ногами.

Приземлившись, Чу Цзюань пошатнулся, и феникс поддержал его. Пламя Феникса на его лбу горело нестерпимым жаром. Он хотел схватить Чу Цзюаня за руку, но в итоге лишь сжал его запястье через рукав:

— Идем со мной.

Сначала они шли быстро, но тело Чу Цзюаня было не в силах выдержать такого темпа. После нескольких шагов он начал кашлять, и фениксу пришлось остановиться. Метка пламени на его лбу, казалось, вот-вот прожжет кожу.

— Чу Цзюань, во что же он тебя превратил?

Чу Цзюань не нашелся, что ответить.

Он ни во что его не превращал: обманул, поиграл чувствами, а когда тот умер, даже не оставил в покое — вытащил из гроба, чтобы продолжать мучить.

Глаза феникса были красными, но он всё же замедлил шаг и, не отпуская руки Чу Цзюаня, повел его сквозь заросли цветов и ив.

Они вышли к уединенному дворику в глухом уголке, скрытому от чужих глаз защитным барьером. Это место разительно отличалось от грубой и дикой природы Девяти Небес.

Феникс, словно желая специально раззадорить Чу Цзюаня, раздвигал ветви ив и сквозь зубы цедил:

— Знаешь, чье это жилище?

Это было то самое место, ради которого его Нэйцзюнь бросил всё и примчался сюда.

Ветви расступились, открывая вид на озеро с изумрудной водой, где ивы склонялись до самой поверхности. На мостке, заложив руки за спину, стояло Божество Цинхэн, а рядом с ним — Се Чэньлу. Се Чэньлу внезапно наклонился к нему, и расстояние между ними стало пугающе близким, почти интимным, в пределах досягаемости дыхания.

Хуан И лишь мельком взглянул на них и повернулся к Чу Цзюаню. В его ладони вспыхнуло пламя. Если бы Чу Цзюань пожелал, он бы немедленно бросился вперед и избил эту парочку, даже если бы не смог одолеть безумца Се Чэньлу, даже если бы его многовековое совершенствование не шло ни в какое сравнение с тысячелетним опытом Цинхэна.

Чу Цзюань лишь смотрел, не делая ни движения.

Его взгляд был равнодушным и спокойным. Феникс истолковал это спокойствие как отчаяние. В одно мгновение его сердце оледенело. Да, Чу Цзюань всегда был таким: даже если Се Чэньлу заходил слишком далеко, он всегда проявлял подобное снисхождение.

Вспоминая прошлое, он знал, что и сам был горделивым и своевольным, пока не встретил Се Чэньлу.

Он знал Чу Цзюаня сотни лет, и только в тот момент понял, что даже самый гордый и знатный человек, встретив того, кого полюбит, готов склониться в самую пыль.

За триста лет была отдана целая жизнь. И когда феникс уже приготовился услышать что угодно, Чу Цзюань обернулся и спросил:

— Кто это?

Хуан И замер, и в тот миг рука, державшая ветви ивы, внезапно разжалась. Ветви мягко опустились, и свет упал на лицо Чу Цзюаня, заставляя усомниться, не мираж ли это.

Словно хаос последних столетий вдруг рассеялся. Впервые на лице Чу Цзюаня не было ни боли, ни сдержанности — лишь спокойный вопрос: кто это?

Он не знал, кто это, и больше не собирался ни о ком горевать.

Когда феникс уводил Чу Цзюаня, тот всё же оглянулся.

Вдалеке, на мостке, две фигуры — одна холодная и утонченная, другая величественная — выглядели до того гармонично, что казались парой, шепчущейся о чем-то сокровенном.

Если бы Чу Цзюань не слышал голоса Се Чэньлу через магию 003, он бы, пожалуй, действительно принял их за влюбленных.

Однако на деле Се Чэньлу стоял за спиной Цинхэна, а его духовная сила угрожающе давила на жизненно важную точку божества:

— Если Божество предпримет еще хоть одно движение, не вините Чэньлу в отсутствии старой приязни.

Убийственное намерение, исходящее от него, заставило глаза Цинхэна дрогнуть, но он не шелохнулся, веря, что Се Чэньлу не посмеет поднять на него руку.

Он словно вздохнул:

— Забыл ты, как в Диких Землях...

В те годы Цинхэн управлял Дикими Землями, а Се Чэньлу был духом бессмертного оленя, рожденным между небом и землей. Он вырос там, обрел разум, и всё это было вскормлено Дикими Землями.

Услышав это название, Се Чэньлу нахмурился:

— Когда Чэньлу только обрел сознание и был при смерти, проходя через испытание, именно капля вашей духовной воды спасла мне жизнь. Для Божества это было лишь мимолетным жестом, но Чэньлу всегда хранил это в сердце. Все эти годы я бегал для вас, выполняя поручения, и вылечил ваш застарелый недуг.

На этих словах он запнулся. Он излечил болезнь Божества Цинхэна, но расплатился за это жизнью любимого человека.

Он склонился в поклоне:

— Прошлое осталось в прошлом. Долг за ваше наставление уплачен, с этого момента мы больше не связаны. Прошу Божество не приближаться к Цзыдяню.

— В конце концов, это жизнь Чэньлу.

Каждое слово звучало тяжело, словно бездонная пропасть. Рука Цинхэна, державшая чашку, сжалась, и он медленно поднял голову.

Стоявший перед ним юноша был всё тем же: оленем, который с гордостью пил воду из ручья в лесах Диких Земель, лекарем, готовившим лекарства и чай. Но теперь он стоял перед ним и говорил о чужой жизни.

Цинхэн на мгновение почувствовал абсурдность происходящего и усмехнулся:

— А как же я?

— Недуг Божества исцелен, кармическая связь разорвана, — отрезал Се Чэньлу, не дрогнув ни единым мускулом.

Цинхэн медленно улыбнулся и опустил на доску шахматную фигуру:

— А если я скажу, что мой недуг еще не прошел?

Дно чашки обожгло ладонь, и Се Чэньлу резко поднял глаза.

Чу Цзюань, услышав всё, что нужно, удалился, а 003 тихо проворчал:

— Как же вы умудрились так разрушить главную пару!

Феникс увел его в одну из корчм.

Это место находилось вне шести миров, здесь обитали птицы, и хотя здесь останавливались небожители, здешние птицы были куда ближе к смертным. Корчмы и закулочные стояли на парящих островах.

Хуан И бросил Чу Цзюаню сосуд с хорошим вином и, собравшись с духом, представился:

— Меня зовут Хуан И. Хуан — от феникса, И — от игры в го.

Прочистив горло, он приписал себе статус:

— Твой близкий друг.

Он намеренно умолчал о помолвке, боясь, что Чу Цзюань насторожится.

Пока Хуан И рылся в винном погребе, перепачкавшись в пыли, Чу Цзюань сидел снаружи, словно на посту. Корчма принадлежала Зеленому Быку, который, вероятно, не смел перечить предку Клана Фениксов и не проронил ни звука.

Хуан И боялся, что тот сбежит, поэтому постоянно выглядывал наружу. Белый небожитель сидел там, глядя на звезды, совсем как в те времена, когда они, юные и безрассудные, странствовали с мечами наперевес.

Сын Девяти Небес и наследник фениксов — они познакомились в драке, а потом пили вино под звездным небом, пока Чу Цзюань стоял на страже, чтобы никто не украл их выпивку, и в конце концов они оставляли в погребе достаточно духовных камней.

Казалось, это было лишь мгновение назад, но с тех пор сменились эпохи.

Спустя долгое время феникс наконец выбежал с двумя сосудами:

— Вино Нефритового Источника, которое ты так любишь, —

Чу Цзюань принял вино. Клан Фениксов почитал дерево утун, и снаружи корчмы как раз росло одно. Хуан И ловко взобрался на ветви, а затем протянул руку:

— Иди сюда.

Чу Цзюань поднял голову. Звездное небо над головой отражалось в перевернутых небесах, всё вокруг казалось одновременно призрачным и реальным.

В конце концов они уселись на ветвях утун. Хуан И, вероятно, опьянел: он обнял сосуд, лежа на дереве, и вглядывался в лицо Чу Цзюаня, словно пытаясь понять, настоящий ли он, и правда ли он воскрес.

— Ты видишь? Ты меня видишь? — голос Хуан И внезапно стал громким. Ему стало жаль Чу Цзюаня, но он не чувствовал в себе права злиться. Он хрипло спросил: — Во что он тебя превратил? Того, кто всегда стремился в небо, он лишил способности парить над морями.

Он спросил Чу Цзюаня:

— Ты правда ничего не помнишь?

— Цзидянь, ты ведь странствовал по горам и рекам, вершил правосудие, пил крепкое вино под

деревом утун...

Сидевший рядом покачал головой, сделал глоток вина и с безразличием посмотрел в небо. Неизвестно, помнил он или нет.

Феникс подумал: да, он ничего не помнит. Его взгляд спокоен, как застывшая вода, он не помнит ни той пронзительной любви, ни той боли, ни тех событий, что остались в прошлом.

И всё это из-за Се Чэньлу. При мысли о нем пламя на лбу Хуан И вспыхнуло с новой силой.

— Рано или поздно я сдеру с этого оленя шкуру и загоню его в стойло к скоту...

Чу Цзюань бросил взгляд на Хуан И, и как раз в тот момент, когда тот ожидал, что Чу Цзюань начнет защищать своего возлюбленного, он услышал нерешительное:

— Он ведь и есть...

Он ведь и есть олень.

Хуан И усомнился, не ослышался ли он:

— Ты его ругаешь скотиной? А ведь когда-то, когда я ругал его...

Он поспешно замолчал. В те времена, когда он называл Се Чэньлу скотиной, они с Чу Цзюанем чуть не подрались. Что за дикие были времена.

Чу Цзюань запоздало осознал, что, возможно, не стоило этого говорить, но лишь приподнял веки и сделал глоток вина:

— Разве Духовный олень — не скотина?

— Конечно, скотина! — Хуан И рассмеялся, и его яркие перья на хвосте затрепетали. Спустя мгновение он внезапно повернулся, облизнул губы, и его глаза, горящие огнем, устремились на него: — Цзидянь, дай мне посмотреть на твое лицо.

На его лице всё еще была маска, данная Се Чэньлу.

Скорость феникса была невероятной. В то же мгновение, когда прозвучали его слова, горячая ладонь уже коснулась края маски. Но в момент, когда он был готов сорвать её, он остановился, вглядываясь в глаза Чу Цзюаня:

— Можно?

Глаза Чу Цзюаня были глубокими, словно в них отражалась звездная река, заставляя невольно в них утонуть. Он не сказал ни да, ни нет, лишь слегка кивнул.

Хуан И приблизился. Феникс был стихией огня, и его алые одежды казались пылающим пламенем, от которого исходил жар. Когда он действительно собрался снять маску, его охватила робость, и он замешкался.

Секунду спустя он всё же рванул её. Завязки разлетелись, черные волосы рассыпались по ветру, и лицо, которое не видели сотни лет, предстало перед ним.

Всё тот же облик, ничуть не изменившийся. Сын Девяти Небес, возвышающийся на божественном престоле, изгнанный небожитель, который вершил правосудие, но не был запятнан мирской пылью. Казалось, он всё еще тот, кто не склонит голову ни перед кем, еще до встречи с Се Чэньлу.

И в тот самый миг, когда маска была сорвана, духовная нить, с помощью которой Се Чэньлу отслеживал Чу Цзюаня, с треском оборвалась.

Мгновение спустя на пустом месте рядом с корчмой возникла фигура в лазурных одеждах. Его лицо, наконец, исказилось от боли, словно перед началом страшной бури.

— Владыка...

<http://bllate.org/book/18619/1792531>